

На основе сопоставления материалов этнографической Казакстанской экспедиции Академии наук СССР 1927 г. и экспедиционных материалов архитектора-искусствоведа Е. А. Ащепкова в 1943 г. раскрываются особенности складывания усадебных комплексов крестьянских хозяйств товарного типа старожильской и переселенческой групп населения в XIX – начале XX в. в юго-восточном районе Алтая в бассейне рек Бухтарма и Нарым.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство; старообрядцы; крестьянская усадьба; Южный Алтай; этнографические материалы; крестьянское деревянное зодчество. /

Based on a comparison of the materials of the ethnographic Kazakstan expedition of the USSR Academy of Sciences in 1927 and the expeditionary materials of the architect-art critic E.A. Ashchepkov in 1943, the article describes the features of the establishment of manor complexes of peasant farms of the commercial type, old-resident and resettlement population groups in the XIX-early XX century in the southeastern Altai region in the basin of the rivers Bukhtarma and Narym.

Keywords: peasant farm; Old Believers; peasant estate; South Altai; ethnographic materials; peasant wooden architecture.

Крестьянские хозяйства Бухтарминских старообрядцев / Peasant estates of the Bukhtarma Old Believers

Отсутствие научных основ по архитектурному формированию крестьянских фермерских хозяйств и малый опыт их развития в новейшей истории определяет целесообразность раскрытия особенностей сложения прототипов современных крестьянских фермерских хозяйств – крестьянских хозяйств товарного типа старожильской группы населения в XIX – начале XX в. Систематическое научное изучение планировки крестьянских усадеб России началось во второй половине XIX века. Примером являются работы В. Д. Мачинского, который проанализировал планировку хуторов и устройство помещений в типичных крестьянских домах по всем великорусским губерниям. Один из авторов историко-этнографического атласа «Русские» О. А. Ганцкая описала типы комплексов русского крестьянского жилища, распространенных на территории европейской России. Исследуя памятники сельской архитектуры XVII–XIX вв., И. В. Маковецкий разработал карту распространения типов русского крестьянского дома. В трудах А. В. Ополовникова и Е. Н. Бубнова были детально изучены крестьянские постройки усадеб, обнаруженные на русском Севере и на Урале. В монографиях Е. А. Ащепкова, вышедших в середине XX в., представлен материал по крестьянскому народному зодчеству и декоративному оформлению крестьянских усадеб Западной и Восточной Сибири (XVIII–XIX вв.). Организация усадебных комплексов сибирских старообрядцев, латышей, российских немцев и других переселенцев конца XIX – начала XX в. описана в работах А. Р. Бетхет, Е. Э. Бломквист, П. П. Вибе, В. А. Липинской, А. Ю. Майничевой, А. Б. Свитнева, В. В. Царева, в научных трудах Института истории Сибирского отделения РАН и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Особенности развития земледельческих поселений Сибири отражены в работах С. Н. Баландина, Л. Н. Вольской, Т. М. Степанской, В. И. Царева [1, р. 1387]. В перечисленных научных трудах преимущественно затрагиваются вопросы истории, культуры, хозяйственного быта, искусства и строительства традиционного семейного крестьянского хозяйства. В контексте современной практики данный тип крестьянского хозяйства по экономическим параметрам соответствует личному подсобному хозяйству крестьян и не является формой

предпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции. Отдельных исследований, посвященных генезису, развитию и особенностям архитектурно-планировочной организации крестьянских хозяйств товарного (фермерского) типа в XIX – начале XX в. на территории Западной Сибири, не проводилось. Поэтому становится важным раскрытие особенностей сложения архитектурно-планировочных типов построек жилищных крестьянских хозяйств товарного типа в Западной Сибири. В работе сопоставляется информация междисциплинарного характера об особенностях возникновения и этапного развития крестьянских товарных хозяйств на одной из территории Западной Сибири – в юго-восточном районе Алтая в бассейне реки Бухтарма. Системный подход позволил осмыслить характер эволюции крестьянских хозяйств товарного типа как процесс адаптации к новым условиям и дал возможность рассматривать вопросы воздействия внешних факторов на их развитие.

Традиция селиться по долинам рек была естественной в Сибири с ее огромной и развитой гидросистемой. Реки были единственным путем сообщения в XVII веке. Селения располагались на притоках крупнейших сибирских рек. Для селения выбиралось устье небольшой реки, ведущей вглубь водораздела, в тайгу или лес [2, с. 24]. Природно-климатические условия и ландшафт оказали большое влияние на систему расселения. В Томско-Кузнецком регионе первые пашни появились вслед за основанием Томского (1604) и Кузнецкого (1618) острогов [3, с. 6]. Характерной особенностью землепользования в XVII в. была «мозаичность» размещения угодий, а также малодворность селений. В 1710 г. почти 40% деревень были однодворными, 27% имели по 2 двора, остальные – по 3–5 дворов со средней численностью семей в 11–12 человек [4, с. 205]. Большое значение для сельского расселения в Западной Сибири имело возникновение и развитие горнозаводских округов и устройство Московско-Сибирского тракта. В конце XVIII – начале XIX в. с уплотнением расселения на уже освоенной территории их жители стали ощущать затруднения в землепользовании. Часть семей выселяется из старых деревень, что положило начало новому типу

текст

Евгений Лихачев
Алла Лихачева /
text
Evgeny Likhachev
Alla Likhacheva

поселений – выселкам и хуторам. Выселки располагались недалеко от основного поселения, в границах его землепользования. Хутор был поселением с усадьбой и прилегающими сельскохозяйственными угодьями, расположенными в стороне от других селений. В экономике западносибирской деревни состоятельное крестьянство располагало половиной материально-технических ресурсов и охватывало примерно четверть всех дворов. В Западной Сибири к началу XX в. на одно такое хозяйство приходилось в среднем 17 лошадей и до 25 дойных коров [5, с. 84–90].

По переписи 1917 г. на территории Сибири находилось 1,43 млн. крестьянских хозяйств. На одно хозяйство приходилось в среднем 64 десятины наделной земли. По оценке П. Ф. Никулина зажиточные крестьянские хозяйства Западной Сибири начала XX в. составляли 2–3% от числа всех крестьянских хозяйств региона. В дальнейшем они могли эволюционировать в хозяйства капиталистического, фермерского типа [6, с. 12].

Первоначальное заселение Сибири (XVI–XVIII вв.) осуществляли выходцы с территории европейского Севера и Приуралья, значительную часть первых переселенцев составляли старообрядцы. Со второй половины XIX в. началось массовое прибытие переселенцев в южную часть Западной Сибири и быстрое освоение новых сельскохозяйственных районов. По мере увеличения числа дворов в малодворной деревне застройка уплотнялась, появлялись порядки-ряды (линейная планировка), а затем – уличная система застройки с учетом ландшафта, изгибов рек и т. д. С уплотнением регулярной уличной застройки появляются многодворные деревни. Полевые земельные участки отделяются от усадьбы и выносятся за границы поселения. Жилье с хозяйственными постройками и приусадебным участком образует крестьянскую усадьбу.

Бухтарминский край – историческое название территории юго-восточного Алтая в бассейне рек Бухтарма и Нарым. Долина Бухтармы представляла собой уединенный оазис среди степей и горных кряжей со строевым лесом и многочисленными озерами, с благоприятными условиями для развития хлебопашества и скотоводства. С начала XVIII в. в долине начали самовольно селиться старообрядцы – кержаки из Нижегородской губернии, выходцы из Поморья, Олонецкой, Вологодской, Пермской губерний, а позднее – беглецы от правительственных повинностей: горнозаводские крестьяне, рекруты, крепостные и каторжники. Правительственное заселение юго-западного Алтая русскими начинается только с XVIII в., в первой четверти которого русским удалось основать, с согласия джунгаров, несколько крепостей по Иртышу, отрезавших Алтай от казахских степей. Более обширная колонизация края шла со времени открытия рудников и закладки Колыванского завода в 1726 г. С переходом демидовских заводов в казну в 1747 г. все русское население юго-западного Алтая приписывается к этим заводам в качестве горнорабочих, а также в качестве крестьян, выполняющих определенную работу для заводов. Предки старообрядческого населения состояли преимущественно из лиц, бежавших с заводов Горного Алтая и из других мест вследствие религиозных преследований; первоначально они селились в труднодоступных горных районах, по местной терминологии – «среди камней». Поэтому старообрядцев, проживающих в долинах р. Бухтармы, стали называть «каменщиками». Формирование бухтарминских каменщиков явилось результатом смешения выходцев из различных регионов и различных социальных групп, постепенно вливавшихся в общины старожилов. В 1792 г. старообрядцы-«каменщики» вошли в состав Российского государства на правах всех туземцев Сибири и по своему положению в госу-

дарстве отличались от остального русского населения на Алтае и от остальных старообрядцев. Присоединенные при Екатерине, они пользовались особыми льготами наравне с инородцами, не несли рекрутской повинности и платили половинный оклад податей; их не брали в горнорабочие на заводы [6, с. 12].

Получив права инородцев и не боясь близости к заводам и крепостям, «каменщики» спустились из высоких горных ущелий, с верхнего притока течения Бухтармы и ее притоков, заняв наиболее удобные места в долинах горных рек. Вместо существующих ранее тридцати малодворных деревень, разбросанных в малодоступных и малоудобных местах, в 1772 г. образовались 9 малых деревень [6, с. 14]. В очерках путешествия по Алтаю Н. М. Ядринцев отмечает, что природа в долине Бухтармы становится приветливее, суровый климат сменяется теплом, и долина становится удобной для хлебопашества. Поселения здесь начали основываться только после 1869 г., когда эти места вошли в состав империи [7, с. 614]. С уплотнением расселения в деревнях и расширением сельскохозяйственного производства в крестьянских хозяйствах их жители стали ощущать затруднения в землепользовании. Часть семей старообрядцев стала переводить товарное производство на удаленные хутора, которые становятся вторым поселением одной семьи с усадьбой и прилегающими сельскохозяйственными угодьями. Вокруг старых деревень «каменщиков» образовалась обширная сеть заимок, представляющие собой как отдельные хутора, так и малодворные деревни. До Столыпинской реформы 1906 г. в многоземельных районах, к которым относилась Бухтарминская долина, в крестьянском землеустройстве господствовала беспередельное землепользование с заимочно-захватной формой присвоения земли, при которой право на земельные угодья (заимку) определялось фактом первичного захвата. Одновременно в связи началом массового переселения все большее распространение получало уравнильно-передельное землепользование, которое коснулось и старожилов Южного Алтая. По архивным данным, средняя площадь выделяемых правительством земельных участков (при норме 15 десятин на 1 мужскую душу) составляла 80–120 десятин на один хутор.

Начиная с Ледебура (первая половина XIX в.) все исследователи отмечали большую зажиточность бухтарминских «каменщиков» [7]. В своеобразных условиях сложилась эта группа старожилов, представляющая большой интерес по своим культурно-бытовым особенностям, обусловленным историей, природой и экономикой края. Горы, земельный простор, обильные зверем леса, наличие дешевых рабочих рук местного населения наложили определенный отпечаток на бухтарминское крестьянское хозяйство и типы жилища. Близость китайской и монгольской границ также сказалась на некоторых сторонах их быта.

Для членов этнографической Казакстанской экспедиции Академии наук СССР 1927 г. и архитектора-искусствоведа Е. А. Ащепкова в 1943 г. особенности заселения Бухтарминского края являлись предпосылкой к тому, чтобы ожидать сохранения в этом крае старых форм быта и приемов архитектурно-планировочной организации жилищно-хозяйственных комплексов старожилов-«каменщиков». Их постройки представляли большой интерес ввиду того, что население, поселившиеся на Бухтарме в середине XVIII в., привнесло сюда традиции и строительную технику XVII–XVIII вв. Из-за удаленности края и слабой связи с городом до середины XX в. в значительной степени сохранился ряд старых форм культурно-бытового порядка старообрядцев.

Материалы экспедиции были оформлены ее участниками – известными советскими этнографами Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринковой в виде книги «Бухтарминские старооб-

рядцы. Материалы комиссии экспедиционных исследований», опубликованной в 1930 г. В ней отражена материальная культура и хозяйственный быт старообрядцев, живших на Бухтарме (приток Иртыша) в доколхозный период. Книга уникальна тем, что завершила «домарксистский» период изучения русского населения Сибири. До начала 1950-х гг. публикаций по русским сибирякам в советской этнографической литературе не было. Работа экспедиции проходила в начальный период землеустройства 1927 г., когда продолжился процесс перераспределения земли между наличным населением, старообрядцами и прибывшими переселенцами. С этого времени многие зажиточные крестьяне были вынуждены бросить свои заимки и хутора с основными земельными участками и вернуться обратно в деревню.

При обследовании бухтарминского района изучение построек членами этнографической экспедиции велось с двух сторон: с одной стороны, отыскивались интересные этнолога пережитки старых форм быта; с другой – прослеживалась эволюция как самой постройки, так и ее деталей. По мнению этнографов, в результате этой эволюции несложные постройки древнейшего типа превращались в сложные и развитые строения последних десятилетий.

Этнографы собрали основной экспедиционный материал в наиболее типичных пяти деревнях бухтарминской долины: Белая, Фыкалка, Язовая, Печи и Коробиха. В материалах районного исполнительного комитета Катон-Карагая на 1 августа 1927 г. отмечалась высокая зажиточность кержацкого населения, среди которого преобладали кулацкие хозяйства. Так, в д. Белая 88% крестьянских хозяйств относились к зажиточным хозяйствам [6, с. 51]. Деревни обследованного района были расположены на берегах рек на плоском ровном месте речной долины – на берегах Бухтармы и дальше в горах по мелким горным притокам. В расположении усадеб бухтарминских старожил выделяются два основных типа усадеб по их размещению относительно улицы:

1 – жилая постройка помещается в глубине двора;

2 – жилая постройка одной стороной выходит на улицу. Наиболее старым является первый тип, когда жилой дом расположен в глубине двора перпендикулярно к улице, а также параллельно или под углом к ней. Этот тип усадеб-связей в большей степени встречался там, где построены жилые постройки на основе особенностей старых связей [8, с. 197].

Во втором типе усадеб-связей отмечают два приема: более старый, когда жилой дом выходит узкой стороной на улицу. Он характерен для старых домов-связей с глухим крыльцом и входом сбоку. Более поздний – с размещением дома широкой стороной на улицу; в зажиточных постройках – с открытым балконом на улицу, глухим крыльцом и входом сзади. Новые постройки, пятистенки и крестовые связи всегда ставились на улицу и большей частью широкой стороной, со входом сбоку или сзади. Был выделен и переходный от первого ко второму тип усадеб, когда старая связь стоит широкой стороной к улице, но не имеет окон. Наличие глухих стен и расположение построек в глубине двора дает возможность поставить вопрос об «окраинном» типе застройки крестьянской усадьбы, сформировавшемся на неспокойных границах государства. Общая композиция усадьбы при регулярной планировке поселка развивалась в глубину участка. Его ширина, исходя из представленных схем, составляла 15–20 м, а глубина доходила до 100 м. Передняя часть усадебного участка служила чистым двором, задний двор, пригон, предназначался для скота, за которым могли насчитываться еще 2–3 пригона, хозяйственные дворы и различные огражденные участки. Количество построек доходит до 20 единиц. Застройка

чистого двора, обычно по периметру, включала жилой дом, амбар, сарай, навесы и баню. Застройка скотного двора состояла из хлебов для скота, стойки и открытого места. Нередко дворы имели зимнее, сезонное покрытие. Помимо приема размещения функциональных зон и построек вглубь участка, встречается прием линейного, вдоль улицы, размещения функциональных зон усадеб. В качестве примеров представлены планы усадебных комплексов глубинного и линейного типов зажиточных крестьян П. Н. Кривошенина в д. Печи и М. И. Коробейникова в д. Белой. Исследователи отмечали, что в характере застройки деревень наряду с высокими своеобразными домами старой архитектуры с глухими крыльцами, богато украшенными балконами, расписными ставнями, галереями вокруг дома в конце 1920-х гг. часто встречался недостроенный дом, или пятистенок, с кое-как набросанной односкатной крышей: гражданская война и ее последствия тяжело отразились на зажиточных хозяйствах старожильческого населения. Описывая организацию крестьянских усадеб старообрядцев, Е. Э. Бломквист пишет: «Крестовых связей было много в богатой деревне Берели, расположенной к востоку от Ясяка, вверх по Бухтарме, но все они погибли во время гражданской войны, когда Берель вся была выжжена дотла» [8, с. 208].

Исследователи подчеркивают, что во всех деревнях их поразили несовместимые признаки: сохраненные культурно-бытовые архаизмы – и техника, планы построек, убранство и отделка внутри дома, значительно приближенные к городу. Они отмечают, что, несмотря на многие архаизмы, жилища «каменщиков» в отношении убранства ушли значительно дальше типичной великорусской избы Севера, что объясняется высокой покупательной способностью населения, которое, имея свободные средства, могло внести в свой обиход многие новые предметы внутреннего убранства. Что же касается планировки жилища, влияние городской культуры сказывается намного слабее; население держалось старых традиций, а влияния заезжих мастеров не наблюдается. Общий уклад хозяйств раскрывает отсутствие среди коренного кержацкого населения каких-либо кустарных промыслов, заниматься которыми у него нет никакой необходимости. Доходы от земледелия, скотоводства, пчеловодства, охоты и мараловодства давали самое необходимое для местного населения в достаточном количестве и позволяли заводить в домашнем обиходе деревенские предметы роскоши.

Исследователи отмечают, что в основе наиболее распространенной жилой постройки каменщиков – избе лежит северо-великорусский тип высокой избы на подклете, рубленной из дерева, с тесовой крышей, с типичным для северной постройки внутренним планом жилища со всеми деталями, со старинным расположением избы. История этих построек начинается с конца XVIII в., когда староверы спустились из глухих ущелий юго-западного Алтая и основали деревни в широких долинах Бухтарминского края. В отличие от переселенцев, которые к 1927 г. составляли около 1/3 местного населения, староверы составляли подавляющее большинство и отнесли к зажиточной группе крестьян, могли строить сложные и дорогие жилые постройки, среди которых Е. Э. Бломквист выделила пять характерных типов жилых комплексов, достаточно подробно описанных и проиллюстрированных: пятистенок; связь, состоящая из двух изб с русскими печами с сенями посередине с прирубленным крыльцом, а также двухэтажная связь; крестовая связь, состоящая из двух пятистенков, связанных коридором, с балконом на улицу; крестовый дом под четырехскатной крышей, разделенный двумя перпендикулярными стенами на четыре помещения, в одном из которых русская печь, в другом – голландка. Среди зажиточных крестьян

> Рис. 1. Усадьба крестьянина-старообрядца И. В. Коновалова в архитектурно-этнографического музея-заповеднике Усть-Каменогорска (перевезена из села Катон-Карагайского района верховья р. Бухтарма) [9]

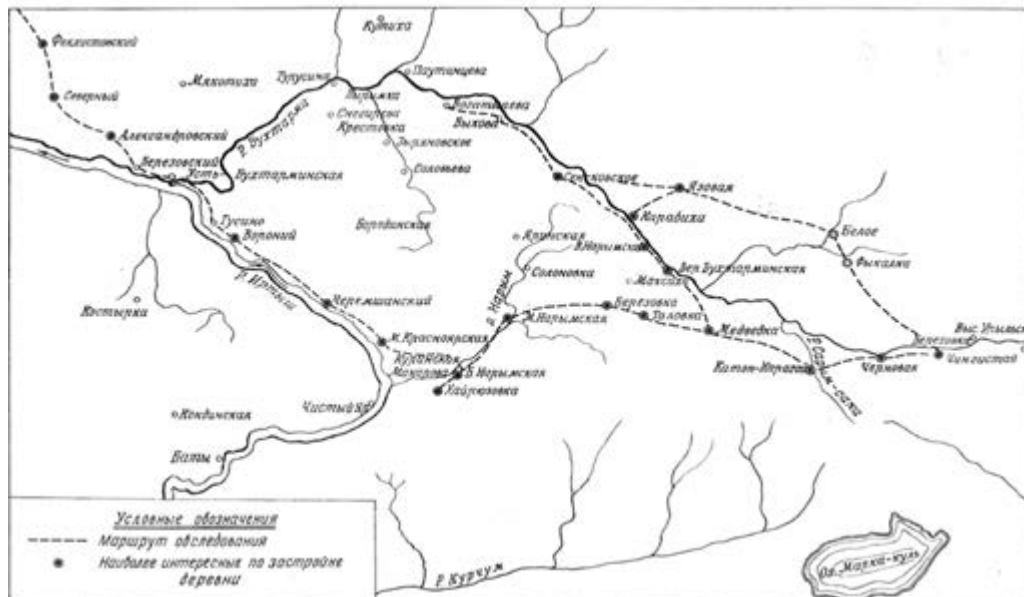
первоначально была распространена шестистенная постройка-«связь», в которой сени соединяли два сруба: две избы (теплую избу и холодную избу, или избу с хозяйственной клетью). Такова связь с поперечной пристройкой и крытым крыльцом И. В. Коробейникова в д. Белая. Данный тип жилого дома составлял четверть от всех жилых построек зажиточных крестьян в д. Белой. Такие избы достигали в длину 13 м. Позднее состоятельные крестьяне строили связи усложненного плана: соединяли две пятистенные избы сенями («крестовая связь») или пристраивали холодный коридор, а среднюю часть постройки – сени оборудовали под жилую зону (дом Фомы Акулова в д. Коробиха). Шестистенные срубы, так называемые «крестовики» с крестообразным расположением внутренних стен были жилищами наиболее состоятельных крестьян: дом М. Е. Пономарева в богатой д. Фыколке, где 18% домов относились к этому типу. Три секции этого дома использовались как жилые, четвертая служила прихожей. В начале XX в. к крестовикам начали пристраивать сени, увеличивая жилую площадь. Крестовый сруб имел одинаковые размеры по длине и ширине (по 10–12 м). Увеличение площади дома достигалось по горизонтали и по вертикали (двухэтажная связь И. В. Коновалова с тремя печами и голландкой в д. Печи). Двухэтажные дома дублировали всевозможные варианты планировок. Жилище русских старожиллов обычно имело высокий подклет высотой до трех метров (пятистенник на высоком подклете П. Н. Кривошеина в д. Печи). Материалом для построек являлись лиственница и пихта. Исследуя постройки Бухтарминских старообрядцев в конце 1920-х гг., Е. Э. Бломквист отмечала, что наряду с архаизмами в этих постройках наблюдается также наслоение позднего времени: «<...> несложные постройки древнейшего типа превратились в очень сложные и развитые постройки последних десятилетий» [8, с. 197].

В горных долинах Алтая сформировались особые типы слитной застройки дома и надворных строений: хоромный и охватывающий типы, вызванные высоким снежным покровом. При хоромной застройке к дому плотно пристраивались хозяйственные постройки так, что из дома можно было пройти в любое хозяйственное помещение, не выходя на улицу. Охватывающая застройка более

монолитна: к дому примыкал обширный крытый двор, который соединялся с домом по принципу двухрядной связи. Дом окружался пристройками [10, с. 70–71]. В отличие от подробно описанных ранее типов жилых домов зажиточных крестьян, по типам слитной застройки домов графические материалы в книге отсутствуют.

Зажиточные старообрядцы уделяли большое внимание декоративному оформлению дома. Этнографы отметили, что в бухтарминском районе пышно представлена своеобразная яркая роспись, отличная от живописи других районов. Она встречалась во многих дорогих домах как снаружи на ставнях и наличниках, так и внутри на дверях, стенах, потолках и мебели, которая появилась в Бухтарме в конце XIX в. Ее особенностью является пестрота, яркая праздничная узорчатость, достигаемая сочетанием немногих элементов узора и определенной манерой письма при помощи небольшого количества красок. В технике письма специалисты нашли тесную связь с поздней нижегородской и тюменской школами росписи. Роспись выполняли мастера-профессионалы, приезжавшие несколько лет подряд на строительный сезон, работали также местные мастера из осевших переселенцев. Многонациональная культура переселенцев, близость и развитые торговые связи с народами Востока, вековое общение с местным коренным населением привели к увеличению в декоре сибирской избы своеобразно переработанных элементов декоративного искусства народов европейской части страны, Востока и элементов орнамента коренных народов Сибири.

Гражданская война и политика «военного коммунизма» подорвали материально-финансовую базу крупных зажиточных крестьянских хозяйств в регионе, они стали утрачивать товарный характер. В период крестьянских восстаний в Сибири 1921–1922 гг. часть богатых крестьянских хозяйств была уничтожена, а часть сохранилась. После 1929 г. государство берет курс на создание коллективных крестьянских хозяйств, ликвидацию всех форм кооперации и частной собственности на средства производства в сельском хозяйстве. Летом 1931 г. в Горном Алтае были экспропрированы наиболее крупные кулацкие хозяйства с изъятием у них скота, земли и других средств производства. Индивидуальные крестьянские

< Рис. 2. Маршрут экспедиций Е. А. Ащепкова. Илл. из книги А. Е. Ащепкова

хозяйства как товарные производители перестают существовать и трансформируются в личные подсобные хозяйства.

Дополнительную научную информацию об усадьбах бухтарминских старообрядцев мы находим в материалах экспедиционного обследования объектов народного деревянного зодчества в Бухтарминском районе Южного Алтая, проведенного архитектором-искусствоведом Е. А. Ащепковым в 1943 г. Являясь старшим научным сотрудником НИИ теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР, он до 1947 г. проводил исследования на обширной территории в отдаленных и труднодоступных районах Западной Сибири, а позднее – и Восточной Сибири. Он писал: «Отсутствие планов старых деревень Сибири и скудные исторические данные о возникновении многих из них затрудняют изучение эволюции планировок» [11, с. 21]. В 1950 г. эти материалы были опубликованы в книге «Русское народное зодчество в Западной Сибири», наполненную многочисленными фотографиями и зарисовками, выполненными автором с натуры.

В монографии последовательно раскрываются особенности планировки и застройки деревень, крестьянских усадеб, жилых построек, их конструктивных элементов и декора в Западной Сибири в целом, без локализации собранного материала по отдельным природно-климатическим зонам и районам заселения. Значительная часть графического (около 40%) и описательного материала, представленного в книге, посвящена планировочной организации крестьянского товарного хозяйства бухтарминцев, их усадебных комплексов, еще сохранившихся в условиях колхозного строительства на раннем этапе его становления. Так, в первой главе все пять представленных схем планировки деревень касаются деревень, расположенных в бассейне р. Бухтармы на равнинных и горных его участках. Анализ этих схем показывает достаточно разреженное расположение больших усадебных участков размером от 20 до 40 м шириной и до 100 м глубиной, на которых располагалась усадьба и хозяйственные постройки и где в зимнее время могли разместиться товарные стада коров и лошадей. По периметру деревень видны крупные участки, достаточные для ведения товарного производства. На некоторых участках, где прежде

находились усадебные постройки зажиточных крестьян, расположены скотные колхозные дворы и колхозные амбары.

Во второй главе автор, раскрывая эволюцию типов деревянного крестьянского жилища в Западной Сибири, дает краткие характеристики жилых построек богатых крестьянских усадеб, выделяет их основные типы и иллюстрирует их художественными рисунками, фотографиями, схемами, среди которых около одной трети занимают избы в деревнях Бухтарминской долины. Это четыре избы со связью и развитой подклетью в д. Фыкалка, крестовые избы и пятистенки в д. Белая, избы с развитой террасой в д. Язловая, дома с двойной связью в д. Фыкалка. Большое место в главе занимает описание древних типов крестьянских домов – двойных и тройных изб, которые автор находил в северных и восточных районах Западной Сибири.

В Бухтарминской долине древние типы отсутствуют, так как основное сложение зажиточных старообрядческих усадеб в приречных деревнях долины началось только со второй половины XIX в. Особую ценность в монографии представляют главы с описанием конструктивных приемов и архитектурно-конструктивных деталей в народном жилище: крыш, оконных проемов, крылец, ворот. В разделе «Декор в народном зодчестве» дается высокая оценка декоративным наружным и интерьерным росписям богатых бухтарминских домов и, в частности, дома Зенона Шарыпова в деревне Фыкалка.

Складывающееся с середины XIX века зажиточное хозяйство старообрядцев к началу XX в. составляли более половины от числа всех крестьянских хозяйств Бухтарминской долины. Под влиянием природно-климатических, социально-экономических и хозяйственно-бытовых факторов в горном районе Южного Алтая сложился целый ряд типов крестьянских усадеб и жилых домов зажиточных крестьян, наиболее отвечавших местным условиям. В результате у старожилов и первых переселенцев, прибывших с равнинных территорий, сформировались специфические особенности архитектуры крестьянских жилых домов долинного типа Южного Алтая: компактность планировки и собранность жилых и хозяйственных помещений воедино во всех типах домов, возможность

> Рис. 3. Фотография с описанием из фонда архитектора Е. А. Ащепкова. Государственный архив Новосибирской области

рис.33 Дом Зинона Шарипова. Самый богатый дом в деревне. Железные ворота с раскраской, «нарядное» крыльцо, выдержанное в строгих формах и расцветке, решение окон, орнамент с ромбиками из цветной жести, все это сообщает дому большую нарядность, свидетельствующую о хорошем вкусе строителя. А. Фрыкалка. Алтай.

позапного расширения дома, ориентация жилья на солнечную сторону, устройство высоких подклетов, развитие крыш с большими свесами, устройство крытых прирубов-входов, двойных сеней-связей, открытых террас, балконов.

Таким образом, жилищные хозяйства старообрядцев могли бы эволюционировать в хозяйства капиталистического, фермерского типа при условии модернизации их производственно-технической базы сельскохозяйственных дворов и инновационного агрокультурного развития жилищных хозяйств [12, с. 162].

Литература

- Likhachev, E. N., Pustovetov, G. I., Likhacheva, A. E. Evolution of the Planning Organization of Peasant Farmers in Western Siberia the middle of XIX – early XX century. *Bylye Gody*. Vol. 46, Is. 4, pp. 1386–1394, 2017. DOI: 10.13187/bg.2017.4.1386. Scopus
- Вольская, Л. Н. Архитектурно-градостроительная культура Сибири: монография. – Новосибирск: НГУАДИ, 2015. – Ч. 1. – 234 с.
- Баландин, С. Н. История архитектуры русских сельскохозяйственных поселений в Сибири (XVII – нач. XX в.). Учебное пособие. – Новосибирск: Изд-во НИСИ им. В. В. Куйбышева, 1984. – 67 с. : ил.
- Мамси́к, Т. С. Крестьянство // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. – Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2009. – Т. 2
- Никулин, П. Ф. Социально-экономическая природа наемного труда в крестьянском хозяйстве Западной Сибири начала XX столетия // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 319. – С. 84–90
- Бломквист, Е. Э., Гринкова, Н. П. Бухтарминские старообрядцы. – Ленинград : Издание Академии наук СССР, 1930. – 460 с. : ил.
- Ядринцев, Н. М. Алтай и его инородческое царство. Очерки путешествия по Алтаю. // Исторический вестник. – 1885. – № 6. – С. 267–296
- Бломквист, Е. Э. Постройки бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. – Ленинград : Издание Академии Наук СССР, 1930. – 460 с. : ил.
- Усадьба крестьянина-старообрядца. – 2016. – URL: <https://konst-ranet.livejournal.com/22999.html> (дата обращения: 21.01.2021)
- Липинская, В. А. Жилище восточнославянского населения Сибири // Традиционное жилище народов России: XIX–начала XX в. – Москва : Наука, 1997. – С. 60–78
- Ащепков, Е. А. Русское народное зодчество Западной Сибири. – Москва : Изд-во Академии архитектуры СССР, 1950. – 460 с. : ил.
- Пустоветов, Г. И., Лихачев, Е. Н., Паршукова, Г. Б., Лихачева, А. Е., Ерохин, Г. П. Современные тенденции развития сельской среды и сельского расселения в Сибири // Проект Байкал. – 2019, – № 62. – С. 156–165

References

- Ashchepkov, E.A. (1950). *Russkoe narodnoe zодchestvo Zapadnoj Sibiri* [Russian folk architecture of Western Siberia], Publishing House of the USSR Academy of Architecture.
- Balandin, S.N. (1984). *Istoriya arhitektury russkikh zemledel'cheskikh poselenij v Sibiri (XVII – nach. XX v.): ucheb. posobie*. [History of architecture of Russian agricultural settlements in Siberia (XVII – early XX century.): textbook], Novosibirsk: Publishing House named after V.V. Kuibysheva.
- Blomkvist, E.E. (1930). *Postrojki buhtarminskih staroobryadcev*. *Buhtarminskie staroobryadcy* [Constructions of Bukhtarminskiye Old Believers. Bukhtarminskiye Old Believers]. Edition of Academy of Sciences of the USSR.
- Blomkvist, E.E., & Grinkova N.P. (1930). *Buhtarminskie staroobryadcy* [Bukhtarminsky Old Believers]. Publication of the USSR Academy of Sciences.
- Likhachev, E.N., Pustovetov, G.I., & Likhacheva A.E. (2017). Evolution of the Planning Organization of Peasant Farmers in Western Siberia the middle of XIX – early XX century. *Bylye Gody*. Vol. 46, Is. 4, pp. 1386–1394. DOI: 10.13187/bg.2017.4.1386. Scopus.
- Lipinskaya, V.A. (1997). *Zhilishche vostochnoslavjanskogo naseleniya Sibiri*. *Tradicionnoe zhilishche narodov Rossii: XIX–nachala XXv.* [Dwelling of the East Slavic population of Siberia. Traditional dwelling of the peoples of Russia: XIX–early XX century]. M.: Science.
- Mamsik T.S. (2009). *Krest'yanstvo*. *Istoricheskaya enciklopediya Sibiri* [Peasantry. Historical Encyclopedia of Siberia]. V.2. Institute of History SB RAS. Publishing House Historical Heritage of Siberia. Novosibirsk.
- Nikulín, P.F. (2009). *Social'no-ekonomicheskaya priroda naemnogo truda v krest'yan'skom hozyajstve Zapadnoj Sibiri nachala XX stoletiya* [The socio-economic nature of hired labor in the peasant economy of Western Siberia at the beginning of the twentieth century]. In *Bulletin of Tomsk State University*, Is. 319, pp. 84–90.
- Pustovetov, G., Likhachev, E., Parshukova, G., Erokhin, G., & Likhacheva, A. (2019). Modern trends in the development of the rural environment and rural settlement in Siberia. *Project Baikal*, 16(62), 156–165. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1565>
- Usad'ba krest'yanina-staroobryadca [The estate of an Old Believer peasant] (2016). *Livejournal*. Retrieved January 7, 2021, from <https://konst-ranet.livejournal.com/22999.html>
- Vol'skaya, L.N. (2015). *Arhitekturno-gradostroitel'naya kul'tura Sibiri: monografiya*. CH.1 [Architectural and urban planning culture of Siberia: monograph. Part 1], Novosibirsk: NSUADA.
- Yadrincev, N.M. (1885). *Altaj i ego inorodcheskoe carstvo* (Oчерки puteshestviya po Altayu) [Altai and its foreign kingdom (Essays on Traveling in Altai)]. *Historical Bulletin*. V. XX. SPb: Publishing house: Sibtip. A.S. Suvorin.